

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д40

Pam Jenoff

THE LOST GIRLS OF PARIS

Печатается с разрешения издательства Harlequin Books S.A.
и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency.

Серия «Звезды зарубежной прозы»

Перевод с английского *Ирины Новоселецкой*

Оформление обложки *Яны Половцевой*

Дженофф, Пэм.

Д40 Пропавшие девушки Парижа : [роман] / Пэм Дженнофф; [перевод с английского И. Новоселецкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Звезды зарубежной прозы).

ISBN 978-5-17-118931-0

1946, Манхэттен.

Грейс Хили пережила Вторую мировую войну, потеряв любимого человека. Она надеялась, что тень прошлого больше никогда ее не потревожит.

Однако все меняется, когда по пути на работу девушка находит спрятанный под скамейкой чемодан. Не в силах противостоять своему любопытству, она обнаруживает дюжину фотографий, на которых запечатлены молодые девушки. Кто они и почему оказались вместе?

Вскоре Грейс знакомится с хозяйкой чемодана и узнает о двенадцати женщинах, которых отправили в оккупированную Европу в качестве курьеров и радисток для оказания помощи Сопротивлению. Ни одна из них так и не вернулась домой.

Желая выяснить правду о женщинах с фотографий, Грейс погружается в таинственный мир разведки, чтобы пролить свет на трагические судьбы отважных женщин и их удивительные истории любви, дружбы и предательства в годы войны.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Pam Jenoff, 2019

© Новоселецкая И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-118931-0

Моим родным и близким

«В военное время правда имеет столь высокую ценность, что ее должна охранять гвардия лжи».

Уинстон Черчилль

Глава I

Грейс

Нью-Йорк, 1946 г.

Если бы не катастрофическая ошибка — катастрофичнее в жизни Грейс Хили была только одна, — она никогда бы не наткнулась на этот чемодан.

Во вторник в девять двадцать утра Грейс должна была бы ехать на первом из двух автобусов, на которых она обычно добиралась из Адской кухни¹, где она жила в меблированных комнатах, до места работы в деловой части города, в Нижнем Ист-Сайде. И она *спешила* на работу. Только не из того района, где находились меблированные комнаты, которые она с некоторых пор называла своим домом. Она мчалась в южном направлении по Мэдисон-авеню, на ходу собирая в низкий пучок свои вьющиеся волосы. Несмотря на холод, Грейс на минутку сняла пальто, чтобы стянуть с себя светло-зеленый кардиган. Иначе Фрэнки

¹ Адская кухня (Hell's Kitchen) — район Манхэттена (Нью-Йорк), также известный как Клинтон. В 1800–1980-х гг. имел славу криминального центра Нью-Йорка, поскольку там был высокий уровень преступности. Отсюда и название.

заметит, что на ней тот же самый наряд, в котором она приходила на работу предыдущим днем, и у него возникнет немислимый вопрос: а дома ли ночевала Грейс?

Она замедлила шаг у магазина дешевых товаров, рассматривая себя в витрине. Жаль, что он закрыт, а то бы она купила пудру для загушевки засосов на шее и какие-нибудь духи, чтобы перебить запах выпитого накануне бренди, смешанный с восхитительно-порочным ароматом лосьона Марка, вдыхая который, она каждый раз испытывала головокружение и стыд. Сидевший на углу пьянчужка постанывал во сне. Взглянув на его серое безжизненное лицо, Грейс почувствовала некую солидарность с ним. Из соседнего переулка донесся грохот: кто-то барабанил по мусорному контейнеру, который громыхал в унисон с глухим стуком в ее собственной голове. Казалось, весь Нью-Йорк позеленел от похмелья. А может, это у нее в глазах позеленело.

По Мэдисон-авеню метался порывистый февральский ветер, заставлявший бесноваться флаги на небоскребах. В канаве выплясывала скомканная старая газета. Колокола церкви Св. Агнессы пробили половину десятого. Грейс ускорила шаг, переходя почти на бег, отчего шея под воротником взмокла. Впереди маячила громада Центрального вокзала. Еще немного, и она повернет налево, на 43-ю улицу, а там сядет на автобус-экспресс, который следует в центр по Лексингтон-авеню.

Но по приближении к перекрестку она увидела, что доступ на 43-ю улицу закрыт. Три полицейских автомобиля перегородили Мэдисон-авеню, блокируя проход и проезд в южном направлении. «Авария», — по-

началу заподозрила Грейс, заметив на другой стороне улицы покореженный черный «студебекер» с дымящимся капотом. С некоторых пор легковых автомобилей на улицах Среднего Манхэттена заметно прибавилось, и они боролись за место под солнцем с автобусами, такси и грузовиками, развозившими товары. Правда, второго участника аварии видно нигде не было. На углу была припаркована одинокая машина «скорой помощи», но приехавшие на ней медики не бегали и не суетились, а стояли, привалившись к своему транспорту, и курили.

Грейс направилась к одному из полицейских с обрюзглым лицом, выступавшим над высоким воротом его синей формы с золотыми пуговицами.

— Прощу прощения. Улица еще долго будет перекрыта? Я опаздываю на работу.

Полицейский глянул на нее пренебрежительно из-под козырька фуражки, словно выражал до сих пор бытующее в обществе мнение, что работающая женщина — это нелепость, какой свет не видывал, хотя во время войны женщины успешно заменяли на фабриках и заводах ушедших на фронт мужчин.

— Здесь вы не пройдете, — официозно заявил он. — Ни сейчас, ни в скором времени.

— А что случилось? — спросила Грейс, но полицейский уже отвернулся. Она шагнула вперед, вытягивая шею.

— Женщину машина сбила насмерть, — объяснил стоявший рядом с ней мужчина в шерстяном берете.

Увидев растрескавшееся лобовое стекло «студебекера», Грейс вдруг почувствовала, как к горлу подступила тошнота.

— Какой ужас, — с трудом выдавила она из себя.

— Я сам не видел, — отозвался мужчина. — Но кто-то сказал, что она умерла мгновенно. По крайней мере, не мучилась.

По крайней мере. После гибели Тома слишком уж часто Грейс слышала эту фразу. По крайней мере, она еще молода. По крайней мере, детей нет — как будто без детей горе перенести легче. (Дети, думала она порой, не были бы ей обузой; в них навечно сохранилась бы частичка Тома).

— Никогда не предугадаешь, где тебя настигнет конец, — философски рассудил мужчина в берете. Грейс промолчала. Смерть Тома тоже была внезапной: он перевернулся на джипе, когда ехал с военной базы на железнодорожный вокзал в Джорджии, чтобы отправиться в Нью-Йорк и повидаться с ней перед тем, как его часть будет переброшена в другое место. Гибель Тома причислили к военным потерям, но в действительности это был просто несчастный случай, который мог бы произойти где угодно.

Сверкнула вспышка репортерского фотоаппарата. Грейс на мгновение зажмурилась и, приставив ладонь козырьком ко лбу, принялась вслепую выбирать на воздух из образовавшейся вокруг толпы, душившей ее сигаретным дымом, запахами пота и духов.

Отойдя от полицейского оцепления, Грейс бросила взгляд через плечо. С западной стороны 43-я улица тоже была перекрыта. Значит, там она пройти не сможет, рассудила Грейс. Если вернется по Мэдисон-авеню до вокзала и обойдет его с другой стороны, это займет как минимум еще полчаса, а она и так уже опоздала на работу. Грейс снова стала проклинать минувшую ночь. Если бы не Марк, она теперь не стояла бы здесь. Делать нечего: придется идти через Центральный вок-

зал — единственное место, где не должна ступать ее нога, ведь она дала себе слово.

Грейс повернулась лицом к Центральному вокзалу, отбрасывавшему огромную тень на тротуар. Через его двери в обе стороны постоянно текли потоки пассажиров. Она представила нутро вокзала, главный вестибюль, в который через витражные окна пробивается дневной свет. Там под большими часами встречались друзья и влюбленные. Невыносимо ей было видеть не сам вокзал, а людей, что там находились. Ожидающие девушки тискают в руках сумочки, сосредоточенно вода языками по зубам, чтобы на них не просочилась красная помада, которой они накрасили губы. Чистенькие выкупанные дети немного нервничают при виде своих отцов, которых они не помнят, потому что были совсем малышами, когда те уходили на войну. Солдаты в измятых за время пути формах спрыгивают на платформу с поникшими маргаритками в руках. Радость воссоединения с любимыми, которой ей не суждено испытать.

Плюнуть бы на все и поехать домой, подумала Грейс. Понезжиться в ванне, может быть, чуток прикорнуть. Однако ей нужно быть на работе. В десять Фрэнки встречается с одной французской семьей, и Грейс должна вести запись их беседы. А после на прием придут Розенберги: им нужны документы на жилье. Грейс любила свою работу именно за то, что это давало ей возможность погрузиться в чужие проблемы. Но сегодня ответственность давила на нее тяжким грузом.

Нет, на работу придется ехать, и сейчас путь туда только один. Расправив плечи, Грейс зашагала к Центральному вокзалу.

Она вошла в здание. Впервые с того дня, когда она прибыла сюда из Коннектикута. В своем лучшем гофрированном платье и маленькой шляпке, восседающей на безупречно завитых «победных локонах»¹. Том не приехал, как ожидалось, на трехчасовом поезде из Филадельфии, где он должен был сделать пересадку, и она предположила, что он опоздал на стыковку. Со следующим поездом он тоже не приехал, и ее охватила смутная тревога. Она просмотрела доску объявлений рядом с информационной стойкой в центре зала, где люди оставляли сообщения, — на тот случай, если Том прибыл раньше и она каким-то образом с ним разминулась. Связаться с ним или узнать что-либо о нем не представлялось возможным. Оставалось только ждать. Она съела хот-дог, а вместе с ним и помаду на губах; хот-дог оказался прокисшим. По второму, потом по третьему разу прочитала заголовки в газетах, что продавались в киоске. Поезда прибывали, высаживали на платформу пассажиров — солдат, в числе которых мог бы быть Том. Но его среди них не было. К тому времени, когда в восемь тридцать подкатил последний поезд, Грейс уже места себе не находила от беспокойства. Том никогда не заставил бы ее мучиться ожиданием. Что случилось? Наконец она заметила, что к ней приближается рыжеволосый лейтенант, которого она видела на церемонии присяги Тома. По его угрюмому лицу она поняла, что произошло непоправимое. Она до сих пор словно наяву ощущала прикосновение незнакомых рук, которые подхватили ее, когда у нее подкосились колени.

¹ «Победные локоны» (*victory rolls*) — женская прическа с валиками или коками по обеим сторонам пробора, популярная в 1940-х гг.

Центральный зал выглядел так же, как и в тот вечер. Атмосфера деловитости. Нескончаемый поток пассажиров — жителей пригородов и путешественников, которым невдомек, какую страшную роль вот уже много месяцев играл этот вокзал в ее сознании. «*Просто пройди через зал*», — твердила она себе. Широкий выход на дальней стороне манил к себе, словно маяк. Никто не просит, чтобы она остановилась и предалась воспоминаниям.

Что-то дернуло ее за ногу — странное ощущение, будто ее царапнули пальчики ребенка. Грейс остановилась, обернулась. На нейлоновом чулке бежала стрелка. Неужели Марк порвал? С каждым шагом разрыв увеличивался, превращаясь в дырищу в пол-икры. Нужно поскорее снять чулки.

Грейс устремилась к лестнице, что вела в общественный туалет на нижнем этаже. Проходя мимо одной из скамеек, она споткнулась, чуть не упала. Нога подвернулась, лодыжку пронзила боль. Прихрамывая, она подковыляла к скамейке и приподняла ногу, полагая, что каблук, который она не прочно закрепила, опять отлетел. Однако каблук был на месте. А вот из-под самой скамейки, мимо которой она проходила минутой назад, что-то торчало — то, обо что она споткнулась. Коричневый чемодан, небрежно задвинутый под сиденье. Грейс бросила раздраженный взгляд вокруг, недоумевая, кто мог так безответственно оставить на дороге свой багаж. Но поблизости никого не было; люди проходили мимо, не обращая внимания на чемодан. Возможно, его владелец отошел в уборную или к газетному киоску. Грейс глубже запихнула чемодан под сиденье, чтобы больше никто об него не споткнулся, и поспешила в туалет.

У входа в дамскую комнату на полу сидел мужчина в заношенной до дыр военной форме. На долю секунды Грейс обрадовалась, что гибель в автомобильной аварии избавила Тома от участия в войне, с которой он возвратился бы раздавленным ее ужасами. В памяти Грейс он навсегда останется здоровым и крепким — красивым парнем. Ему не суждено вернуться домой в шрамах, как многие солдаты, которых она видела; ему не суждено храбриться, скрывая свою надломленность. Грейс достала из кармана последние несколько монет, стараясь не думать о желанном кофе, без которого ей теперь придется обойтись, и вложила деньги в заскорузлую ладонь мужчины. Она просто не могла пройти мимо.

Грейс прошла в туалет, закрылась в кабинке и сняла чулки. Затем, встав перед зеркалом, пригладила свои иссиня-черные волосы и подкрасила губы. Восковой привкус помады «Коти»¹ заставил ее вспомнить минувший вечер. За соседней раковиной женщина младше ее по возрасту разглаживала пальто на своем выступающем округлом животе. Казалось, теперь беременные встречаются на каждом шагу — результат множественных радостных воссоединений с возлюбленными, вернувшимися домой с войны. Грейс почувствовала на себе взгляд женщины. Та, конечно же, заметила, что у нее взъерошенный вид. И сразу все *поняла*.

Памятуя о том, что она окончательно опоздала на работу, Грейс поспешила из туалета и снова пошла че-

¹ «Coty» — французско-американский производитель косметических продуктов. Компания была основана в 1904 г. в Париже парфюмером Франсуа Коти (1874–1934). В 1912 г. были открыты филиалы в Лондоне и Нью-Йорке.

рез зал к выходу. Она обратила внимание, что чемодан, о который она споткнулась несколько минут назад, по-прежнему стоит под скамейкой. Замедлив шаг, Грейс приблизилась к нему и огляделась, проверяя, не объявился ли где-то рядом его хозяин.

За чемоданом никто не возвращался, и тогда Грейс опустила на корточки, рассматривая находку. Чемодан как чемодан, ничего особенного. С закругленными углами, с затасканной перламутровой ручкой. Тысячи таких проносят через вокзал каждый день. Ну, этот разве что немного посимпатичнее. Только вот его куда не несут: он стоит себе и стоит под скамейкой. *Бесхозный*. Может, кто-то потерял свой багаж? Грейс помедлила из осторожности, вспомнив одну историю времен войны — о саквояже, в который была заложена бомба. Но война закончилась. Угроза вторжения и прочие опасности, которые некогда, казалось, поджидали за каждым углом, остались в прошлом.

Грейс поискала на чемодане метки, указывающие на его владельца. На боку мелом было написано имя. С чувством неловкости она вспомнила, что некоторых клиентов Фрэнки, которым удалось спастись от нацистов, вынуждали писать свои фамилии на чемоданах, теша их ложной надеждой, что они воссоединятся со своими вещами. На этом чемодане белело одно слово: *Тригг*.

Грейс задумалась: как быть — сообщить носильщику или просто уйти? Она опаздывала на работу. Однако любопытство возобладало. Возможно, внутри есть бирка. Она потыкала застежку. И тут же услышала щелчок, будто запор под ее пальцами открылся сам собой. Грейс на несколько дюймов приподняла